

Пленительное в своей естественности и непреложности очарование артистического галанта Софьи Владимировны Гнацинтовой ощущалось зрителями уже с первых ее сценических шагов. Она вступила на сцену Художественного театра в пору его предреволюционной зрелости, обнаружив и свою близость исканиям театра, и свою индивидуальность. Верность методу художественного пути не покидала Гнацинтову в течение всей ее многообразной и плодотворной сценической деятельности.

Говоря словами А. Ахматовой, Гнацинтובה «награждена» «каким-то вечным детством». Творчество для нее радость, веселье. Она говорит, что не любит до смерти скучных репетиций, их односторонней серьезности.

Не случайно одна из самых любимых ранних ролей актрисы — Митиль в «Синей птице». Спектакль, завораживающе действующий на юного зрителя и поныне, спустя почти семьдесят лет после премьеры, стал важной вехой в творческой жизни актрисы.

Театр имеет и свою оборотную сторону, и так существенно для молодой актрисы ощутить его поэзию, почувствовать власть этой поэзии и над актером, и над зрителем, в юности отправиться на поиски синей птицы под магические звуки волшебной музыки И. Саца. Станиславский, в 1917 году увидевший С. Гнацинтову в роли Митили, записал: «С. В. Гнацинтובה очень мне понравилась». Сказочная непосредственность Митили была продолжением темы С. Гнацинтовой, начатой в роли Феи из диккенсовского «Сверчка на печи» на сцене Первой студии Художественного театра.

В этот спектакль, вместивший в себя затаенные мечты Сулержицкого об актерской этике и вахтанговскую театральность, С. Гнацинтובה вносила то обаяние поэзии и иронии сказки, без которого диккенсовской повести на сцене грозила беда сентиментальности. Лирика и веселая шутливость, казалось, должны были стать определяющими в дальнейшей судьбе актрисы. Многообразие дарования С. Гнацинтовой, ее способность к сочному, полнокровному юмору, мощност таланта, а не только его тонкость обнаружила встреча с Шекспиром, с комедией «Двенадцатая ночь», поставленной в Первой студии Художественного театра в 1917 году, где Гнацинтובה сыграла разбитную служанку Марию.

В рассказах С. Гнацинтовой о театральной молодости сказывается существенная черта ее артистического таланта: она оттеняет юмором печальное, а в ее озорных рассказах звучат серьезные нотки. Безумный смех и мрачность ей чужды, противоположны. Гнацинтובה весело рассказывает о гостевой поездке в годы гражданской войны по городам страны с «Ревизором», где Михаил Чехов был Хлестаковым, Степан Кузнецов — Городничим, а она неожиданно, если не для себя, то для зрителей, — Марьей Антоновной. И в ее рассказе об этой необыкновенной поездке, полном радостного, молодого задора, живет память о больших актерах, благодарность за то, что они встретились на пути, за след, который они оставили в жизни.

Интимная лирика, мечтательность, поэтичность свойственны Гнацинтовой-актрисе, но этими свойствами она отнюдь не исчерпывается. Яркие краски ее таланта рано отметил П. Марков: «Опасности «инженю» были для нее существенны и серьезны. Молодая непосредственность рано грозила перерасти в театральные штампы, задорная лирика — в закрепленную сценическую манеру... «Двенадцатая ночь» неожиданно наполнила ее здоровой радостью крепкой актерской игры. На маленьком пространстве студийной сцены засверкал шекспиров юмор. Последующие роли показали, что у Гнацинтовой есть умение не только улыбаться, но и издеваться, не только лирически вздыхать, но в резком, в ярком гриме, в злости движения (как в «Двенадцатой ночи») обнаружить ядови-

тую, но радостную и здоровую характерность».

Гнацинтובה вернулась к пронзительной лирике в «Униженных и оскорбленных», где она сыграла маленькую Нелли, создав образ, вошедший в историю театра. Трагический театр Достоевского знает немало побед, сценическая структура его романов в XX веке находит адекватное отражение на сценах мирового театра, существуют классические спектакли по его романам и классические актерские работы. Труднейший образ Нелли, где актрисе так трудно не поддаться внешне мелодраматическому настрою романа, покорился трагиче-

Софья Владимировна с Московским театром имени Ленинского комсомола. История этого театра — это прежде всего И. Н. Берсенев, С. В. Гнацинтובה и С. Г. Бирман. В этом театре обнаружилась зрелая мудрость актрисы. В этом театре Гнацинтובה пережила триумф, играя Нору. Влечение Гнацинтовой к сложному, неоднозначному рисунку счастливо встретилось с ибсеновским образом, для которого обычные мерки сочувствия и осуждения непригодны. Гнацинтובה играла Нору наивно, но не сентиментально, во всей ее драматической пленительности. Нора Гнацинтовой отнюдь не была меща-

люди искусства

МУДРОСТЬ ПРОСТОТЫ

Б. ЛЮБИМОВ

ской воле С. Гнацинтовой. Она играла безысходную трагедию отчаявшегося существа, трагедию вдвойне мучительную, потому что это трагедия девочки, потерявшей веру в истину и справедливость и вновь обрешей ее на дороге смерти.

Софья Владимировна говорит о Нелли, как о самом дорогом для себя персонаже, может быть, еще и потому, что в этой роли ей удалось осуществить то единство лирики, страстности, характерности и женственности, которое и составляет важное свойство Гнацинтовой-актрисы.

На фотографии, подаренной Станиславским С. Гнацинтовой, стоит надпись: «Дорогому другу и сотруднику по искусству С. В. Гнацинтовой от нежно любящего ее и сердечно преданного Станиславского...»

Станиславский почувствовал героическое начало личности Гнацинтовой, ее рыцарское отношение к искусству. Это сказывается во всем — и в этическом начале, которое несет в своем творчестве С. Гнацинтובה, и в ее широком, непредубежденном отношении к различным направлениям в искусстве в ее любви к литературе, к поэзии, где каждое имя дорого, и в добром отношении к товарищам по профессии.

Забота об актерах, вдумчивая педагогика отличают и режиссерские работы С. Гнацинтовой. Режиссура ее спектаклей (а среди них есть и такие удачные, как «Месяц в деревне», «Семья», «Годы странствий») строилась на актерах, исходила из специфических особенностей актеров, занятых в ее спектаклях. Неброские, вдумчивые спектакли Гнацинтовой переживали премьерный успех и оставались в репертуаре театра, в судьбах актеров. Их отличала, по выражению Вл. И. Немировича-Данченко, «художественная прочность».

«Художественная прочность» свойственна и актерским работам Гнацинтовой. Фундамент ее складывается в репетиционный период и складывается в кропотливом труде, в подборе деталей, в постоянных и неустанных поисках лучших вариантов.

Верная жизненной правде, С. Гнацинтובה никогда не забывает, что в театре существует и правда театральная, что актер живет особой жизнью, по Пушкинскому завету: «Порой опять гармонией упьюсь, над вымыслом следами обольюсь». Когда Гнацинтובה играла отрицательный образ Женьевы в «Мольбе о жизни» Деваля, с ней «что-то происходило». Она и сама не замечала, как, готовясь к очередному спектаклю, превращалась в чуждый ей образ. Еще до спектакля, гримирясь, примеривая костюм, она отсекала что-то свое, неуловимое, сохраняя обаяние и женственность в той роли отданные на службу злу, а не добру. Почти сорок лет связана

ночкой, простушкой — черта, противоположная дарованию Гнацинтовой. Гнацинтובה, сцена за сценой, открывала в Норе зрелую женщину, способную на сильное и волевое решение.

Способность женщины к подвигу, жертвенному отказу во имя долга дорога Гнацинтовой в образе Марии Александровны Ульяновой, сыгранной актрисой и в театре, и в кино. Она особенно любит свое сценическое прочтение этого образа, знающее три редакции. При всех оттенках, каждый раз вносимых актрисой, в роли сохранялось ее зерно — внутренняя интеллигентность, мягкость, за которой кроется стойкость и верность убеждениям, не поддающаяся никаким соблазнам. Запоминаются глаза Гнацинтовой — в них светится то материнская любовь, то гнев, то мучительная печаль.

Оттенки, переливы внутреннего состояния, тончайшие переходы, свойственные тургеневским персонажам, оказались подвластны Гнацинтовой. В роли Натальи Петровны из «Месяца в деревне» тема увядания, старения оказалась для нее не главной. Напротив, она загоралась молодым светом в борьбе за любовь, все силы женственности и очарования просыпались в ней, она то вспыхивала счастьем, то прятала свою тоску за иронией и раздражительностью. Суетливое кокетство лишь временно появлялось от бессилия, в главном Наталья Петровна была по-женски умна и незаурядна.

Каждое десятилетие знакомило зрителя с новыми красками таланта Гнацинтовой. Так случилось и в семидесятые годы. Когда в «Иванове» на сцену высказывает суетливую старушка Авдотья Назаровна, зритель сначала недоумевает: да неужто же это Гнацинтובה? Что общего между этой пакостной сплетницей, сыгранной Гнацинтовой с водевильным преувеличением, с анекдотической страстностью раннего Чехова, и привычным зрительским восприятием актрисы? В наледископке монстров, выведенных в «Иванове» режиссерами спектакля, Авдотья Назаровна Гнацинтובה — едва ли не самый яркий и оправданный штрих. В одержимости ее героини сказалась щедрость таланта Гнацинтовой, отдающей себя без остатка и в центральных ролях, и в эпизодических.

И сейчас, репетируя небольшую роль в ближайшей премьеры театра — «Ясновидящий» по роману Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак», Гнацинтובה рассказывает об этой роли с увлечением, на которое способны истинные служители театра.

От встреч с Гнацинтовой, как и от ее творчества, остается радостное ощущение женственности, мудрости и простоты.

Народная артистка СССР С. Гнацинтובה.

Фото А. Евстигнеева.